
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XX

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 200-летию со дня основания Азиатского музея /
Института восточных рукописей РАН

St. Petersburg
2018

Т. И. Юсупова

Международные научные отношения «нового типа»: советско-монгольское научное сотрудничество, 1920—1930-е гг.¹

DOI: 10.25882/n81t-d785

В статье анализируется имевшее место в советской историографии определение советско-монгольских научных контактов как отношений нового типа. В связи с поставленной задачей кратко освещаются предпосылки и история установления в середине 1920-х гг. тесного взаимодействия Академии наук СССР и Ученого комитета МНР (первого монгольского научного учреждения), его специфика и основные дисциплинарные направления. Отмечается, что практически на всем протяжении указанного периода сотрудничество Академии наук с Ученым комитетом (с 1930 г. Комитетом наук) было организационно обособлено от научных контактов с другими странами и проходило в условиях ограниченности международных коммуникаций исследователей как СССР, так и МНР. Внимание уделяется причинам интереса советских ученых к работе в Монголии, роли С. Ф. Ольденбурга и Ц. Ж. Жамцарано в выработке конфигураций сотрудничества, рассматриваются его количественные характеристики. Показано, что Академия наук, откликаясь на просьбы Ученого комитета о помощи в изучении страны, смогла получить поддержку советского правительства, благодаря которой развернула совместно с Ученым комитетом широкую исследовательскую деятельность в Монголии. Автор приходит к выводу, что вынесенное в название статьи определение советско-монгольского научного взаимодействия отражает реальные особенности контактов Академии наук с Ученым комитетом (Комитетом наук), отличные от сотрудничества с другими ее международными партнерами.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Комитет наук МНР, Монгольская комиссия, научное сотрудничество, изучение Монголии, особенности и специфика взаимодействия.

«Настало время для Монголии работать новыми методами»

Среди направлений международной деятельности Академии наук СССР в 1920—1930-х гг. особенно выделяются по интенсивности и содержанию научные контакты с Монголией, с ее первым научно-исследовательским учреждением — Ученым комитетом (Комитетом наук)². И сегодня взаимодействие академических институтов с монгольскими научными учреждениями продолжает активно развиваться. Тем не менее история монгольского направления деятельности Академии наук советского периода остается в тени ее взаимодействия с другими странами,

прежде всего европейскими. Во многом это связано с имеющим место стереотипом восприятия сотрудничества с Комитетом наук Монгольской Народной Республики (МНР) как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс советских ученых и убеждением в превалировании политико-идеологической значимости этих контактов над их содержательной стороной.

Между тем история установления советско-монгольского научного взаимодействия важна для понимания специфики международной деятельности Академии наук в конкретный исторический период. Что касается монгольского направления, то характерной особенностью этого временного промежутка являются два обстоятельства. Во-первых, до 1946 г. научные связи между двумя странами проходили в условиях непризнания мировым сообществом независимости МНР. Эта ситуация препятствовала развитию научных контактов Комитета наук с другими странами. Ограниченными были в эти годы, в силу целого ряда хорошо известных внешне- и внутриполитических причин, и международные контакты Академии наук СССР.

Во-вторых, на всем протяжении этого периода сотрудничество с Комитетом наук было организаци-

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-03-00475а).

² В ноябре 1921 г. было создано первое научно-исследовательское учреждение Монголии *Судар бичгийн хурээлэн* (Комитет книг и рукописей). В литературе на русском языке, как правило, употребляется другой перевод — Ученый комитет. В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться *Шинжлэх ухааны хурээлэн* (Комитет наук); на его базе в 1961 г. была образована Академия наук МНР. В данной статье мы будем использовать оба названия — в зависимости от хронологии повествования.

онно обособлено от других международных партнеров Академии наук. Для его координации была образована специальная академическая Монгольская комиссия (1927—1953). После создания в 1961 г. Академии наук МНР монгольское направление организационно уже не выделялось и координировалось, наряду с сотрудничеством с другими странами, Иностранным отделом Президиума Академии наук.

Следует отметить, что в настоящее время существуют два основных подхода к освещению работы советских ученых в Монголии. В первом случае авторы, продолжая традиции советской историографии, фокусируются исключительно на ее результативности и плодотворности и не включают в число своих задач анализ контекстов научного взаимодействия. Во втором случае, напротив, содержательные аспекты остаются в стороне, деятельность ученых вписывается в идеолого-политические или даже геополитические контексты и рассматривается исключительно как один из инструментов для укрепления советского влияния в Монголии. Продолжительное время именно такая интерпретация является наиболее популярной в академических дискурсах западных историков [Юсупова, 2016. С. 193—202].

В то же время в историографии истории Академии наук СССР сотрудничество с Комитетом наук нередко характеризуется как «международные научные отношения нового типа» [Иоффе, 1969. С. 135]. Что стоит за этим определением? Идеологический штамп в ряду аргументов против укоренившегося в западной литературе стереотипа Монголии как советского сателлита или действительно оно имеет реальное содержательное наполнение и отражает характерные черты научного взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук МНР в эти годы, отличные от сотрудничества с другими странами?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы хотели бы кратко осветить причины установления взаимодействия Академии наук и Ученого комитета (Комитета наук), его главные особенности, участников и их мотивации, опираясь на ранее проведенные автором исследования и полученные статистические данные [Юсупова, 2006; 2011].

«Непочатый край для работы»

Интерес к Монголии в Академии наук начал складываться с первых лет ее существования. Он был обусловлен государственным запросом на получение знаний о природе, хозяйстве и населении приграничных районов Сибири, а также и самой соседней страны. В результате проведенных за два века работ в академических учреждениях были накоплены богатые естественнонаучные и археологические коллекции и документальные памятники из Монголии. Они способствовали формированию специалистов различного профиля по изучению природы и населения Монголии и дальнейшей активизации деятельности в этом территориальном направлении. Революционные события 1917 г. и Гражданская война прервали широкие исследования, которые развернули академические учреждения.

Именно поэтому обращение Монгольского Ученого комитета (Учкома) в начале 1920-х гг. об оказании помощи по организации изучения страны нашло живой отклик у руководства Академии наук. Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург (1863—1934) инициировал обсуждение помощи Учкому на правительственном уровне. Предложение академического сообщества оказалось весьма актуальным для данного политического момента: Монголия занимала важное место в геополитической стратегии СССР в Дальневосточном регионе [Лузянин, 2000], и инициатива С. Ф. Ольденбурга была поддержана. Заседание специально созданной для рассмотрения этого вопроса правительственной Комиссии состоялось 31 января 1925 г. в Ленинграде [Юсупова, 2017]. Выступавшие ученые подчеркивали важность продолжения изучения Монголии, используя понятную властям риторику, выдвигая в качестве аргументов не только научную, но и экономическую (для Монголии) и политическую (для СССР) необходимость. Так, например, ботаник Н. В. Павлов (1893—1971) обратил внимание присутствующих на заинтересованность Ученого комитета в его работах по изучению растительности Монголии с точки зрения ее кормовых возможностей³. Академик А. Е. Ферсман (1883—1945) подчеркнул, что минералогические исследования — и уже сделанные по его поручению, и будущие — имеют важное практическое значение для развития производительных сил Монголии⁴. По мнению почвоведов Б. Б. Полынова (1877—1952), запланированное изучение рельефа и почвенного покрова страны также представляет интерес и с чисто научной, и с практической точки зрения, поскольку связано с хозяйственными вопросами. Геолог И. П. Рачковский (1878—1961) напомнил присутствующим о разработанном еще в 1917 г. Геологическим музеем плане исследования Монголии, целью которого являлось составление карты геологического строения страны, чья актуальность была очевидна в свете задач по ее экономическому развитию⁵.

В развернувшейся далее дискуссии о характере исследований А. Е. Ферсман призвал, учитывая современные политические и экономические реалии, работать в Монголии «новыми методами»⁶. Именитый ученый считал обязательным условием при разработке исследовательских программ согласовывать их с задачами, поставленными монгольским правительством перед Ученым комитетом. То есть большое внимание уделять вопросам изучения производительных сил Монголии⁷.

³ Стенограмма заседания Комиссии, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 102.

⁴ Там же. Л. 101.

⁵ Там же. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 73.

⁷ Там же. С. 72.

Доводы ученых оказались убедительными. Председательствующий на заседании Комиссии управляющий делами СНК СССР Н. П. Горбунов (1892—1938) согласился, что Монголия действительно представляет собой «непочатый край» для научной работы и Академия наук сможет, решая свои исследовательские задачи, оказать помощь Ученому комитету Монголии.

«Имеющиеся научные силы и наблюдающийся интерес»

Итогом обсуждения стало решение правительства от 31 марта 1925 г. о создании специальной Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (или Монгольской комиссии)⁸. Ее возглавил Н. П. Горбунов, заместителем стал С. Ф. Ольденбург. Два года Комиссия функционировала при правительстве, а в 1927 г. была передана в ведение Академии наук СССР, где работала до 1953 г. Возглавляли Монгольскую комиссию в разные годы академики С. Ф. Ольденбург (1927—1929), В. Л. Комаров (1930—1945) и В. А. Обручев (1946—1953). В ее состав входили ведущие советские ученые по разным отраслям знания, в том числе: монголоведы Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Н. Н. Поппе, археологи Г. И. Боровка, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, геолог И. П. Рачковский, путешественник П. К. Козлов, почвовед Б. Б. Польшов и др.; с монгольской стороны: Ц. Ж. Жамцарано, А. Амар. Л. Дэндэв и др.

В этой истории особую роль сыграл С. Ф. Ольденбург. Здесь ярко проявилось его умение вести диалог с властью и отстаивать интересы Академии наук. С. Ф. Ольденбург сумел использовать сложившуюся политическую конъюнктуру в советско-монгольских отношениях в начале 1920-х гг. и просьбы Ученого комитета о помощи, чтобы получить в очень непростой экономической ситуации в стране финансирование для одного из международных направлений деятельности Академии наук, т. е. фактически — государственный заказ на изучение Монголии.

В Положении о Монгольской комиссии АН СССР основными целями ее деятельности определялись «систематическое и всестороннее научное изучение» Монголии и содействие развитию ее научно-исследовательских учреждений. При этом обязательным условием работы Комиссии утверждалось согласо-

⁸ В дальнейшем предполагалось включить в поле деятельности Комиссии Танну-Тувинскую Народную Республику и Бурят-Монгольскую АССР. Поэтому с конца 1925 г. она стала официально называться Комиссией по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Однако, как правило, использовали ее сокращенное название — Монгольская комиссия; с 1930 г. именно это название стало официальным.

вание планов советских ученых с задачами Ученого комитета⁹.

О желании Академии наук как можно скорее начать работы в Монголии свидетельствует письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. П. Горбунову от 16 апреля 1925 г. Непременный секретарь просил ускорить решение организационных проблем, поскольку «вопрос этот живо интересуется как монголов, так и наши учреждения, собирающиеся принять участие в этих исследованиях...»¹⁰. «Складывающаяся ситуация, — продолжал С. Ф. Ольденбург, — указывает на необходимость возможно скорее осуществить намеченное важное предприятие, чтобы использовать имеющиеся у нас научные силы и наблюдающийся теперь интерес к этому делу»¹¹.

Заинтересованность Учкома Монголии, готовность академического сообщества приступить к исследованиям и поддержка правительства определили быструю и успешную организацию работ в Монголии. Намерение участвовать в них выразил целый ряд академических учреждений: Азиатский музей, Ботанический, Зоологический, Геологический и Минералогический музеи, Почвенный институт, Палеонтологический институт и др. Отбор заявок происходил на заседаниях Монгольской комиссии. Одним из главных условий их одобрения являлись предварительная договоренность с Ученым комитетом и соблюдение интересов монгольской стороны.

Было еще одно обстоятельство, которое, по нашему мнению, имело важное значение в выработке конфигурации сотрудничества. Ученого секретаря Монгольского Учкома Ц. Ж. Жамцарано (1881—1942) связывали с С. Ф. Ольденбургом тесные дружеские отношения, которые завязались во время учебы молодого бурята в Санкт-Петербургском университете. Сходное понимание С. Ф. Ольденбургом и Ц. Ж. Жамцарано целей и задач сотрудничества определило его основные принципы и одновременно отразило взгляд С. Ф. Ольденбурга на характер взаимодействия России со странами Востока: уважительный, основанный на научном знании и искреннем желании оказать помощь в развитии национальных научных институтов.

«Сочувственное отношение со стороны монгольского правительства»

Отношение к советским ученым со стороны Ученого комитета было очень доброжелательным. Так, Н. В. Павлов писал С. Ф. Ольденбургу: «В Урге нас встретили прекрасно. Жамцарано и Лисовский¹² обо-

⁹ Положение о Комиссии, 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 141.

¹⁰ Письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. П. Горбунову, 16 апреля 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 87.

¹¹ Там же.

¹² В. И. Лисовский (1888—1958) — инженер-мелиоратор, сотрудник Ученого комитета Монголии в 1921—1927 гг.

всем позаботились, было готово помещение и обдуманы все потребные для нас бумаги»¹³. Б. Б. Полюнов в своем докладе на заседании Комиссии 4 ноября 1926 г. отметил, что академические исследователи встретили «сочувственное отношение со стороны монгольского правительства и всех представителей Научного комитета <...> Отношение к экспедиции, к нашей Комиссии, к Академии наук самое благожелательное <...> как со стороны главы правительства, у которого мы были в первый день своего приезда, так, особенно, со стороны председателя Научного комитета»¹⁴. А в опубликованном позже отчете добавил, что о пребывании в Монголии участники экспедиции сохраняют воспоминания «как о светлом времени дружной, согласной совместной работы» [Предварительный отчет, 1930. С. 2].

Обсуждая планы следующего года (1927), Ц. Ж. Жамцарано просил продолжить в первую очередь геохимические и почвенные исследования, тесно связанные с решением ряда актуальных хозяйственных

проблем Монголии. Одновременно он приглашал российских ученых приезжать в Учком на продолжительное время, в том числе и для постоянной работы. В частности, срочно требовался «геолог по части полезных ископаемых» и палеонтолог. Ц. Ж. Жамцарано предлагал и другую форму сотрудничества: приехать в Монголию, поработать, а потом «направлять и руководить» монгольскими исследователями из Ленинграда. Самое главное, подчеркивал он, важна «работа для Учкома», но не обязательно при Учкоме [Решетов, 1998. С. 78]. Но желание приехать в Монголию на долгий срок, как оказалось, имелось только у востоковедов (буддолог М. И. Тубянский (1893—1937) работал в Учкоме в 1927—1936 гг., монголовед П. И. Воробьев (1892—1937) — в 1936—1937 гг.). Если говорить о «естественниках», то они предпочитали краткосрочные экспедиционные поездки, поскольку условия для научной работы в Монголии (библиотеки, архивы, лаборатории, научное сообщество) еще только начинали складываться.

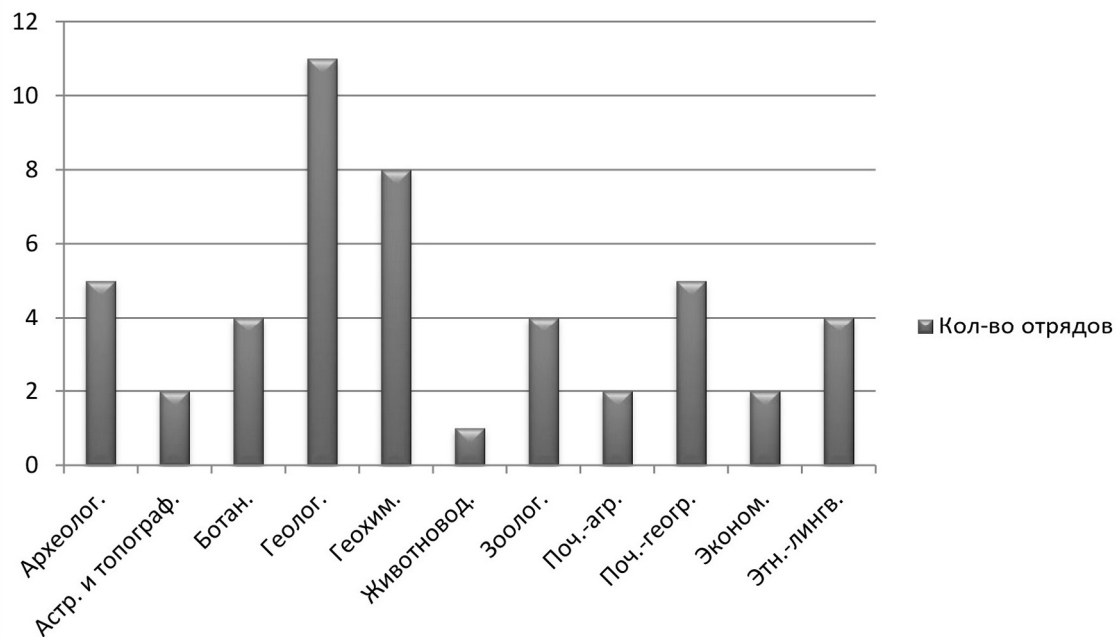

Рис. 1. Распределение исследований Академии наук в Монголии по научным направлениям в 1925—1933 гг.¹⁵

Основной формой сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР являлось проведение экспедиционных исследований. В 1925—1933 гг. было организовано более 40 экспедиций, в работе которых приняло участие более 60 исследователей из Азиатского, Ботанического, Зоологического, Геологического, Минералогического музеев, институтов Академии наук, Почвенного института и других учреждений. Планы работ всегда согласовывались с Комитетом наук (Ученым комите-

том). При необходимости академические экспедиции брали на себя выполнение заданий Комитета наук (Ученого комитета). В этом случае в состав экспедиций Академии наук включались монгольские исследователи. При этом их деятельность финансировал Комитет наук (Ученый комитет).

В ходе проведенных в 1925—1933 гг. работ были осуществлены археологические, ботанические, геологические, гео- и гидрохимические, зоологические, почвенно-географические и этнолингвистические ис-

¹³ Письмо Н. В. Павлова к С. Ф. Ольденбургу, 1 июля 1926 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1—1926. Д. 58. Л. 61.

¹⁴ Протокол заседания Монгольской комиссии 4 ноября 1926 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 84.

¹⁵ Диаграммы построены по данным из: [Юсупова, 2006. С. 222—245].

следования. Если в первые четыре года преобладали работы гуманитарного и естественнонаучного характера, то в 1930 г. началась переориентация исследовательских программ на прикладные задачи, актуальные для хозяйственно-экономического развития Монголии. Основными направлениями сотрудниче-

ства стали почвенно-агрономические, животноводческие, геологические, гидрологические исследования. В целом эти изменения отражали усиление государственного администрирования деятельности Академии наук. Подобные процессы происходили и в Монголии.

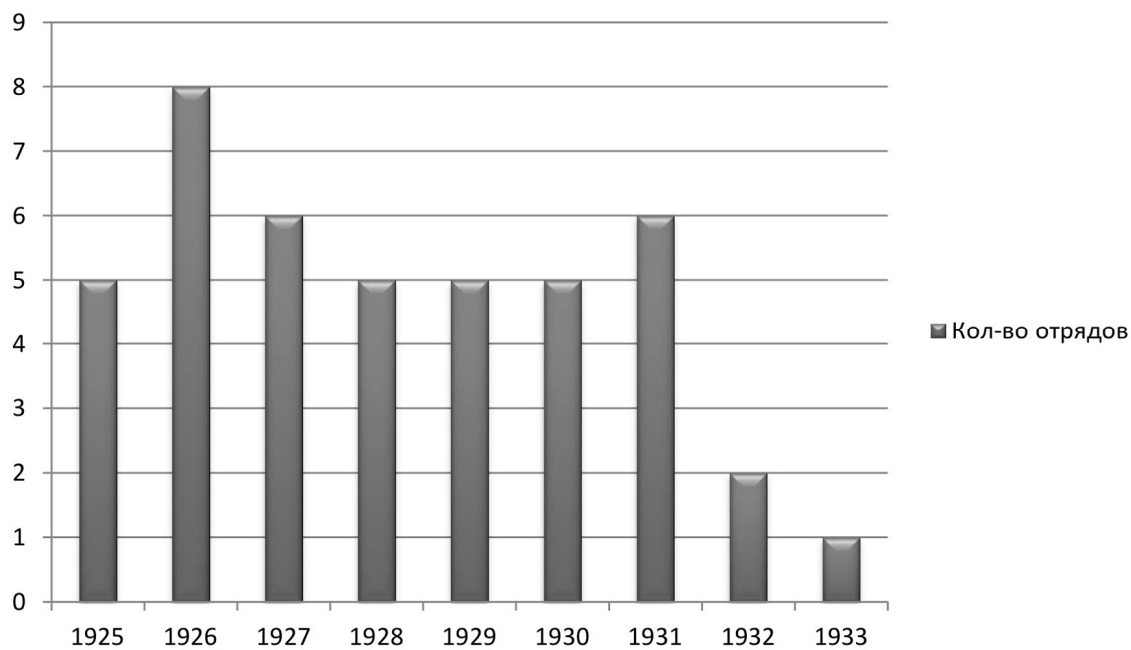

Рис. 2. Количество экспедиционных отрядов, направленных Академией наук в Монголию в 1925—1933 гг.

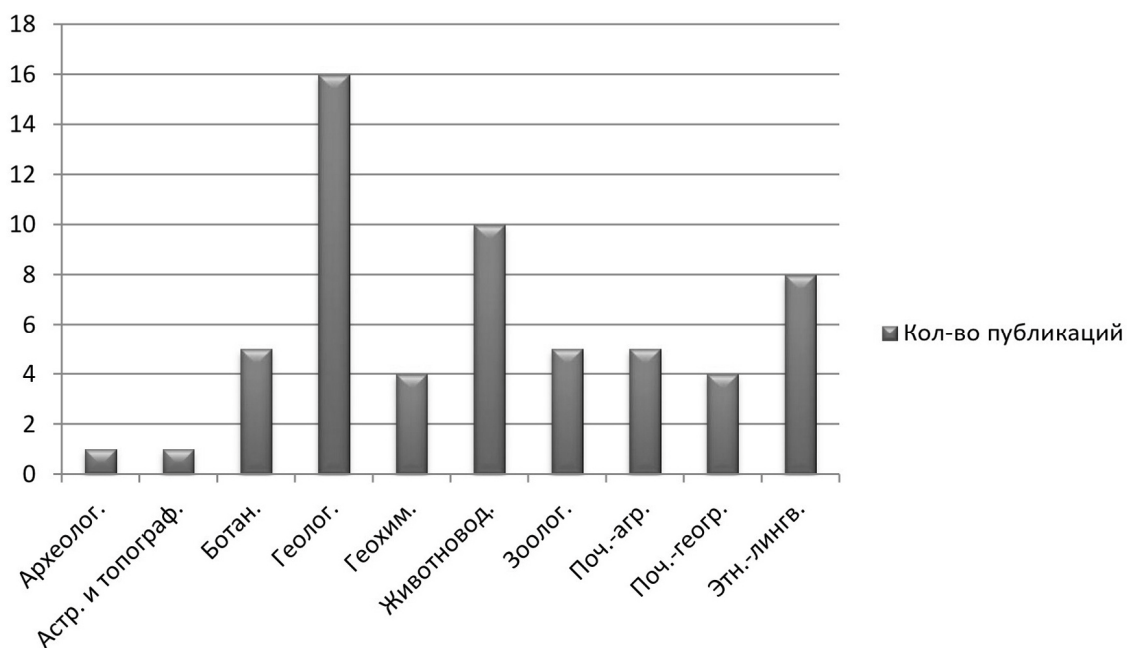

Рис. 3. Распределение публикаций Монгольской комиссии в 1925—1933 гг. по научным направлениям наук ¹

¹ Библиографию публикаций Монгольской комиссии см.: [Юсупова, 2006. С. 212—221].

Причиной сокращения количества экспедиций в 1932 г. и прекращения их после 1933 г. явилась сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в Монголии и вокруг Монголии: народные восстания, военные столкновения на монгольско-маньчжурской границе, военный конфликт с Японией на Халхин-Голе. Одновременно у научного сообщества СССР наблюдался спад интереса к Монголии, что было связано с расширением исследований в советских республиках, организация работ в которых была значительно проще на фоне ужесточения контроля за любыми зарубежными поездками. Последовавшие далее политические репрессии 1937 г. еще более обострили наметившиеся в сотрудничестве с Комитетом наук проблемы. Многие советские ученые, работа которых была связана с Монголией, подверглись репрессиям. Большой кадровый урон был нанесен и монгольскому научному сообществу, где также развернулись трагические события. Взаимодействие между Академией наук и Комитетом наук практически прекратилось. Контакты до 1945 г. ограничивались редкими командировками советских ученых в Монголию (в 1940 г. — геолог Э. М. Мурзаев и почвовед Н. Д. Беспалов), обменом литературой, обучением немногочисленных монгольских аспирантов в академических учреждениях СССР.

Хотелось бы отметить еще одну особенность научных связей с Комитетом наук. Результаты практически всех проведенных в этот период советскими учеными исследований были опубликованы в изданиях Монгольской комиссии: в трех выпусках сборника «Северная Монголия» (1926—1928), в пятнадцати выпусках «Материалов» Комиссии¹ (1929—1931) и в шестидесяти девяти выпусках «Трудов Монгольской комиссии» (1932—1957). «Труды» выходили под двумя грифами — Академии наук СССР и Комитета наук МНР.

«Особое разрешение от монгольского правительства»

Взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР строилось в рамках межгосударственных соглашений и оформлялось договорными обязательствами между двумя научными учреждениями, вначале ежегодными, затем долгосрочными как общего характера, так и частного — о выполнении конкретных совместных проектов. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества и снимали вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии. Первый довоенный пятилетний договор между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР о совместных научных исследованиях был составлен на 1930—1934 гг.; второй — на 1935—1939 гг.

¹ Полное название: Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР.

Особо хотелось бы отметить, что Монголия, одна из первых стран Центральной Азии, приняла закон «Об охране памятников старины» (сентябрь 1924 г.), который регулировал деятельность иностранных ученых на ее территории и регламентировал порядок вывоза из страны научных коллекций. По этому поводу Ц. Ж. Жамцарано писал С. Ф. Ольденбургу: «Недавно опубликован монгольским правительством закон „Об охране памятников старины“ <...>. Все памятники древности объявлены национальной собственностью и вывозу не подлежат. Если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета»².

По условиям договоров советские ученые предоставляли Комитету наук свои обстоятельные отчеты о проведенной работе, копии сделанных топографических схем и карт, дубликаты фотографий и другие материалы, а также оговоренную в договоре часть собранных коллекций. Экземпляры трудов, которые издавались в СССР по итогам работы советских ученых в Монголии, также передавались в Комитет наук.

Советские ученые с ответственностью относились к выполнению обязательств перед Комитетом наук. Свидетельством этого являются хранящиеся в архивах Монголии материалы их экспедиционных исследований, а в музеях страны — собранные коллекции. К тому же ход реализации соглашений контролировался советским представительством в Монголии и, соответственно, Наркоматом иностранных дел. Такое внимание со стороны директивных органов подчеркивало значимость для советского правительства выстраивания доверительных межгосударственных отношений с МНР, частью которых являлось научное сотрудничество.

В качестве заключения: научные отношения «нового типа»?

Географическая близость двух стран, усиленная в 1920—1930-х гг. их международной изоляцией, не могла не сказаться на особой роли советских ученых в развитии национальных монгольских институций. Однако сотрудничество Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета), по нашему мнению, нельзя рассматривать только в рамках советской идеологической экспансии в Монголию. Инициатива проведения изучения Монголии исходила от Ученого комитета и была с большим вниманием воспринята в Академии наук, поскольку в ее учреждениях исторически сложился интерес к территории Монголии, ее природе и истории. Он был обусловлен необходимостью решения целого ряда проблем, прежде всего естественнонаучных дисциплин. Известный зоолог, сотрудник Зоологического музея Академии наук

² Письмо Ц. Ж. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 23. Л. 69.

А. Я. Тугаринов (1880—1948) по этому поводу писал: «Можно с уверенностью сказать, что изучение ряда явлений, имеющих место на территории современной Монголии, может дать ключ к пониманию многих особенностей <...> прилегающих частей Сибири <...>. А если прибавить сюда то крупное значение, которое играла территория Монголии в более отдаленные времена, то всестороннее изучение огромных монгольских пространств приобретает исключительное значение для науки» [Тугаринов, 1927. С. 802].

Ученый комитет (Комитет наук) предоставил Академии наук возможность реализовать ее широкие, складывавшиеся не одно десятилетие исследовательские программы в Монголии, а советские ученые, в свою очередь, оказали помощь монгольским коллегам в организации их собственных исследований. Модель и структура научных отношений выстраивались в зависимости от внешних (международная изоляция Монголии до 1946 г.) и внутренних (национальные научные кадры и институты) факторов в рамках межгосударственных договоров на основа-

нии соглашений между Академией наук и Ученым комитетом (Комитетом наук).

На всем протяжении указанного периода научное взаимодействие Академии наук и Ученого комитета (Комитета наук) носило содержательный, конструктивный и взаимовыгодный характер. Вынесенное в название статьи определение отражает, по убеждению автора, реальные особенности контактов между советскими и монгольскими исследователями, отличные от особенностей сотрудничества с другими международными партнерами Академии наук.

Когда в начале 1990-х гг. на волне кардинальных изменений политических и экономических систем в наших странах произошла переоценка безусловной позитивности для Монголии тесных отношений с СССР, менее всего подверглось критике академическое сотрудничество. Научные контакты между советскими и монгольскими учеными в силу международного характера науки явились надежными звеньями межгосударственного общения, которые и сегодня продолжают развиваться и расширяться, опираясь на позитивный опыт прошедших десятилетий.

Литература

- Иоффе, 1969: *Иоффе А. Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932. М.: Наука, 1969 (*Ioffe A. E.* Internacional'nye, nauchnye i kul'turnye svyazi Sovetskogo Soiuz. 1928—1932. М.: Nauka, 1969).
- Лузянин, 2000: *Лузянин С. Г.* Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000 (*Luzianin S. G.* Rossiia—Mongoliia—Kitai v pervoi polovine XX v. Politicheskie vzaimootnosheniia v 1911—1946 gg. М.: IDV RAN, 2000).
- Предварительный отчет, 1930: Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930 (*Predvaritel'nyi otchet pochvenno-geograficheskoi ekspedicii v Severnuyu Mongoliyu v 1926 g.* L.: Izd-vo AN SSSR, 1930).
- Решетов, 1998: *Решетов А. М.* О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах. Вып. 2—3 / гл. ред. Е. А. Хамаганова.* СПб.: Утпала, 1998. С. 56—89 (*Reshetov A. M.* O perepiske C. Zh. Zhamcarano s S. F. Ol'denburgom i B. Ya. Vladimircovym // *Orient. Al'manah. Vyp. 2—3 / gl. red. E. A. Hamaganova.* SPb.: Utpala, 1998. P. 56—89).
- Тугаринов, 1927: *Тугаринов А. Я.* Из поездки по Монголии // *Природа. 1927. № 10. С. 802—808 (Tugarinov A. Ya.* Iz poezdki po Mongolii // *Priroda. 1927. No. 10. P. 802—808).*
- Юсупова, 2006: *Юсупова Т. И.* Монгольская комиссия Академии наук СССР. История создания и деятельности (1925—1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006 (*Yusupova T. I.* Mongol'skaia komissiiia Akademii nauk SSSR. Istoriia sozdaniia i deiatel'nosti (1925—1953 gg.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2006).
- Юсупова, 2016: *Юсупова Т. И.* История изучения российско-монгольского научного сотрудничества // *Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII—первой половине XX в.: Исторические очерки / отв. ред. Ю. М. Батулин, ред.-сост. Г. И. Смагина.* СПб.: Росток, 2016. С. 193—202 (*Yusupova T. I.* Istoriia izucheniya rossiisko-mongol'skogo nauchnogo sotrudnichestva // *Akademiia nauk v kontekste istoriko-nauchnyh issledovaniy v XVIII—pervoi polovine XX v.: Istoricheskie ocherki / отв. red. Yu. M. Baturin, red.-sost. G. I. Smagina.* SPb.: Rostok, 2016. P. 193—202).
- Юсупова, 2017: *Юсупова Т. И.* Намечается большая совместная работа с Монголией: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР // *Mongolica-XVIII. СПб., 2017. С. 82—89 (Yusupova T. I.* Namechaetsia bol'shaia sovmestnaia rabota s Mongoliei: k istorii organizacii Mongol'skoi komissiii SNK SSSR // *Mongolica-XVIII. SPb., 2017. P. 82—89).*

Tatiana I. Yusupova

International scientific relations of the «new type»: Soviet-Mongolian academic cooperation, 1920s—1930s

The article examines what is behind the definition of Soviet-Mongolian scientific connections that took place in Soviet historiography as a relationship of a new type. Regarding this objective, the prerequisites and history of establishment in the mid 1920s of close cooperation between the Academy of Sciences of the USSR and the Committee of Sciences of the Mongolian People's Republic (the first Mongolian scientific institution), its specifics, the main disciplinary fields, and some quantitative results are discussed. It is noted that almost during all this

period the cooperation of the Academy of Sciences with the Committee of Sciences was organizationally separated from its other contacts and took place in the conditions of limited international communications of the two countries' researchers. A certain attention is paid to the reasons for the interest of Soviet scientists in studies of Mongolia. It is shown that the Academy of Sciences could obtain government support in organizing research activities in Mongolia in response to the requests of the Committee of Sciences to assist in the study of the country. The model and structure of scientific relations were built according to external factors (international isolation of Mongolia until 1946) and internal factors (development of national scientific society and institutions), within the framework of international treaties, and on the basis of agreements between the Academy of Sciences and the Committee of Sciences. The author concludes that Soviet-Mongolian academic cooperation today cannot be considered only within the framework of Soviet expansion into Mongolia. The definition given in the title of the article reflects the actual aspects of contacts between Soviet and Mongolian researchers that differed from the cooperation with other international partners. The Committee of Sciences provided the Academy of Sciences with an opportunity to implement its wide-ranging and decades-long research programs on the territory of Mongolia, and the Soviet researchers assisted the Committee of Sciences in studying of the country and in the development of Mongolian scientific institutions.

Key words: Academy of Sciences of the USSR, Committee of Sciences of the MPR, Mongolian Commission, scientific cooperation, features and specificity of interaction.